

Маргарита Снапир

СЕСТРА

Маргарита Снапир
Сестра

«Э.РА»

2015

Снапир М.

Сестра / М. Снапир — «Э.РА», 2015

Что может быть выше и бескорыстнее любви между родными людьми – братом и сестрой? Нечасто в современном мире (где у издателей в почете детективы с трупами и любовные романы с «хэппи_эндом») приходится встречаться с художественной прозой, рассказывающей о подобных простых, казалось бы, житейских вещах. Книга молодой израильтянки, начинающей писательницы Маргариты Снапир раскрывает эту тему искренне, просто и с удивительным доверием к читателю. Трагические события в судьбе героев лишь подчеркивают и оттеняют основную тему повести: близость родственных душ, которую нужно сберечь во что бы то ни стало. Э. Ракитская, член Союзов писателей Москвы и Иерусалима

© Снапир М., 2015

© Э.РА, 2015

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Маргарита Снапир Сестра

В оформлении обложки использована работа художника Анны Давыденко.

© Маргарита Снапир, 2015

* * *

Посвящается моему брату, Леону

*И когда мы приходим, мы смотрим на небо,
Мы смотрим на небо, мы смотрим в него так
долго.
Может быть, эта картина иллюзия и картина,
Но может быть это правда, скорее всего – это
правда.*

Борис Гребеничиков «Сестра».

Часть первая

А сандалии все-таки жалко было. «Борька всего пару раз надел, так что, можно сказать, новые достались. Да еще и яркого красного цвета, не то что после него всякие серые да коричневые донашивала, эти почти настоящие девчачьи были», – думала Лара. Борька нес сестру на спине, подхватив локтями ее мокрые, все в грязи, ноги. Он был всего на год старше Лары, но родители определили его как «старшего брата» в тот самый день, когда малышку принесли из роддома, и он звание это нес гордо и самоотверженно всю свою последующую жизнь.

Лара все время болталась с Борькой и пацанами, которым это поначалу не очень нравилось, но потом привыкли. К тому же, Лара была ловкая: лазала по деревьям, перебиралась через мелкие ручейки, таскала ветки и сено для постройки штабов наравне с мальчишками. В извечных Борькиных обносках, обрезанных по колено джинсах и растянутых майках, с ободранными коленками и расцарапанными руками, она скоро стала своей в мальчуковой компании.

Пропадали они обычно на «поле». Полею называлась огромная площадь бывших садовых участков сразу за большой краснокирпичной стройкой в конце улицы. На этом месте собирались строить школу, выкупили землю у частных, перекопали бульдозерами, но строить так и не начали. Сады заросли и одичали. Теперь они назывались полем. Для пацанов и Лары, которая стала уже как бы одним из них, это был настоящий рай. Джунгли, пересеченные в нескольких местах рукавами неприкрытой канализации – говнотечки, как называли ее ребята. Были на поле «открытые» ими малинники, рощи диких слив и крыжовника, штабы и тайные места. Все это принадлежало им, ревностно охранявшим свои владения и гнавшим взащей любых чужаков.

Сегодня шли разведывать часть поля, еще ими не освоенную, находящуюся по другую сторону «говнотечки». Было принято решение перебраться на тот берег и проложить тропу сквозь заросли ивы и камыша. Возглавлял экспедицию Борька, так как идея об освоении новой местности принадлежала ему.

Борька шел первым, за ним Юрка Киселев, Борькин ровесник и одноклассник, дальше Лара и Артур Арсаланов по прозвищу Тузик (как-то образовалось от Артур-Турчик-Тузик). Он был самым младшим из пацанов, но в драке равных ему не было, мог с нескольких ударов вырубить противника вдвое его здоровей.

В месте намеченной переправы «речка» сильно расширяла русло, так что было не перепрыгнуть даже высокому длинноногому Борьке. Строить мост из веток было слишком долго. Нашли обрубок толстой резиновой трубы, и Юрка с Борей вдвоем дотащили его до берега и бросили поперек русла. Половина трубы утонула в черной вонючей жиже, выступающая же часть вполне годилась для перехода. Борька предусмотрительно пошел первым, так как в случае неустойчивости моста сумел бы покрыть оставшееся расстояние прыжком.

– Давайте, пацаны! – крикнул он уже с того берега, широко улыбаясь и явно довольный собой. – Шатковато, но идти можно, – заверил он.

Следующим перебрался Юрка, потом Тузик. Лара заправила волосы под выцветшую на солнце бейсболку и приготовилась переходить.

– Лара, не ссы! – крикнул Юрка.

Боря подошел к берегу с другой стороны и протянул сестре руку.

– Да не ссу я, сама перейду, уйди, Борька! – разозлилась Лара. Борька послушно отступил.

Лара осторожно шагнула на «мост», один шаг, второй, вот уже и берег. Вдруг левая нога соскользнула по округлой поверхности трубы – и через секунду Лара уже перебирала по ней

ногами, еле удерживая равновесие, труба крутилась в скользкой жиже. Девочка коротко взвизгнула и провалилась по колено в темное месиво.

Лара боялась, что над ней засмеются. Ноги облепляла черная грязь, противно заполняя под шорты, а от одной мысли, из чего эта грязь состоит, Лару нешуточно затошнило. Было противно и как-то обидно. Пацаны не засмеялись. Тузик издал сдавленный смешок, но Борька осадил его гневным взглядом, за что Лара его про себя горячо поблагодарила.

– По колено в говноте увязла, – серьезно констатировал Юрка.

– Ларка, ты как? Ногу высвободить можешь? – брат встал на четвереньки у самого берега и попытался дотянуться до сестры худой смуглой рукой. Лара пошевелила одной ногой, потом другой, но только еще глубже завязла.

– Никак, – сказала она, морщась от вони.

– Ну ниче, сейчас вытащим тебя. Юрка, срезай ветку потолще! – скомандовал Боря.

Юра вынул из кармана складной нож, подарок отца и объект зависти других мальчишек, и ловко срезал толстый прут. Пацаны перебросили конец прута Ларе и дружным рывком подтянули ее к себе, Борька подхватил ее за предплечье и вытащил на берег. Черное нутро говно-течки чавкнуло, поглотив первый раз одетые Ларины сандалии.

Разведывание местности, ясное дело, пришлось отложить до завтра. Всю дорогу домой Боря нес сестру на спине. Теперь они уже смеялись. Борька подкалывал Лару, говоря, что она, мол, тяжелая корова и предлагая заржавшему над шуткой Юрке понести ее хоть полдороги.

Дома происшествие скрыть не удалось, на лицо была пропажа сандалий. Мама Наталья Николаевна ахнула и сразу засуежилась.

– Ларка, быстро мыться! Кишечная палочка ведь! – она принесла из кухни большой пакет, в который побросала испачканные шорты и майку, связала узлом и тут же вынесла на мусорку.

Отец сказал, что на новые сандалии денег нет, учебный год на носу, так что залатает ей старые и походит она до конца лета, ничего ей не станет. Борьке вклеил несильный подзатыльник: нечего сестру куда попало таскать. На том и кончилось.

Лара проснулась рано, настенные часы в детской с римскими цифрами показывали без пяти шесть. Спустила босые ноги на пол, подошла к окну, вынула зеленую сетку от комаров на деревянной раме и высунулась на улицу. Морской ветерок размешивал в золотистом воздухе утренний туман, и тот постепенно растворялся, как сахар в чае. Пахло морем, травой и неведомыми уготованными им приключениями. Казалось, целый мир замер в ожидании их шагов и открытий и, конечно, он принадлежит им, весь этот мир. У Лары щипало в носу и щекотало в животе. Нет, ждать, пока Боря проснется сам, было невозможно. Растолкать его не составило труда, ведь он тоже не мог не слышать этот утренний зов. Лара сварила две сосиски и три яйца (Борьке – два, себе – одно), поели, не почистив зубы. Боря взял с собой несколько кусков хлеба и пару криво отрезанных ломтиков сыра (для привала). Лара прихватила маленький нож для чистки картошки, предварительно завернув лезвие в газету. Рукоятка торчала из кармана. «Да, это тебе не Юркин складной».

Стараясь не скрипеть деревянными половицами, спустились вниз по лестнице к родительской комнате. Боря легонько толкнул маму в бок.

– Мам, мы гулять, – прошептал он.

– Ну идите, только есть придете в три, – сказала мама, приоткрыв глаза.

«Как же все-таки на отца похожи», – подумала она сквозь полусон. Боря с Ларой действительно были оба вылитый отец. Казалось, их лица нарисовали по одному трафарету, только Борьке досталась сильно смуглая кожа и черные жесткие волосы, Лара же вся была какого-то золотистого оттенка, что дополнялось медными и медовыми переливами во вьющихся волосах.

Когда Наталья Николаевна только переехала в Зеленоградск из родительской калининградской квартиры, она сразу оказалась под прицелом множества глаз соседей и любителей

посудачить в маленьком городке. Муж ходил в море, и ее все время видели одну с двумя маленькими детьми. Однажды, гуляя с ними в парке, Наталья случайно услышала разговор двух женщин, сидящих на соседней скамейке.

– Бедный мужик...

– Да, он в рейсе, а она ему рожает и черненьких, и беленьких.

Теперь, когда дети подросли и оказались оба словно под копирку сведенными с отца, никто уже не мог приписать ей супружескую неверность.

Дети вышли на улицу, и Борька закрыл дверь ключом, висящим на шее на грубом шнурке. Заходить за Юркой было рано, его мать наверняка еще спала, но отправиться на поле без него казалось нечестным, все-таки договорились, что пойдут вместе.

Они подошли к Юркиному дому. Он жил на первом этаже, и окно его комнаты выходило во двор. Борька постучал в стекло костяшкой согнутого указательного пальца, почти сразу занавеска отодвинулась, и из-за нее появилась Юркина заспанная физиономия. Он открыл окно.

– Ну че, ты выходишь? – спросила Лара.

– Ага, ща, – Юрка снова исчез за занавеской. Через несколько минут он появился уже одетый и с куском хлеба, перелез через подоконник и прыгнул во двор.

На тот берег перебрались без происшествий, причем, когда подходили к переправе, Лара рванула вперед и первая перескочила по мосту на другую сторону. Мальчишки засмеялись и дружно ей зааплодировали. Лара театрально раскланялась, прижав правую руку к груди. Пробравшись сквозь заросли ивы и срезав по гибкому пруту для «индейских» луков, ребята попали на широкую равнину. Ветерок колыхал высокую траву и вздымал в воздух сезонную пыльцу.

– Смотрите! – крикнула Лара и, не дождавшись, когда остальные разглядят среди травы коричневые бочонки камыша, побежала к ним. Ребята бежали за ней, разводя руками высокие стебли. Добравшись до цели, они обнаружили, что камышом окружено небольшое озеро. Темную воду окоймляло по берегу кружево ила. Впоследствии у этого озера произойдет одно из самых ярких событий в Лариной жизни, а пока они вместе радовались своему открытию, обследовали берег, а после устроили привал с хлебом и сыром.

Так проходил последний месяц летних каникул. Строили шалаши, играли в казаки-разбойники, купались в холодном родном Балтийском море. Их сердца отстукивали один сумасшедший ритм, головы бурлили идеями, и вся жизнь, длинная и удивительная, расстилалась перед ними нескончаемым полотном, на котором им предстояло вы ткать узоры своих судеб.

Оставалось два дня до начала учебного года и мальчишки устроили турнир по фишкам против соседнего двора. Фишки продавались вместе со жвачкой, а дорогие и редкие – по отдельности. Это были небольшие картонные или пластиковые кружочки с различными картинками. Были так же «перелевашки», меняющие изображение в зависимости от того, под каким углом на них смотреть. Ребята собирали настоящие большие коллекции фишек и очень ими дорожили. Игра производилась следующим образом: каждый ставил по равному количеству фишек, далее их складывали стопкой, картинкой вверх, и ребята по кругу, зажимая стопку между большим и указательным пальцами, били ею о землю. Те из фишек, что перевернулись, считались выигрышем.

Борька играл виртуозно, за что часто был бит, Лара же играла только в своем дворе, а в междворовых турнирах участвовала исключительно в качестве Борькиной болельщицы. В этот раз играли против соседнего двора, куда Ларе, Борьке и Тузику входа не было. Там заправляли Костик и Сашка Марасюки (антисемиты и фашисты, как называл их Борька), поэтому жидам и черномазым там было не место. Юрку туда тоже не пускали, так как он состоял в близкой дружбе с жидовскими братом и сестрой и черномазым Тузиком. Честно говоря, этим четверым

соседний двор и даром не дался, но этим летом старший из Марасюков, Костик, повесил там на старой бузине тарзанку. И теперь все на ней катались, а они – нет.

Играли на нейтральной территории между дворами. Мальчишки сидели плотным кругом, из которого раздавались хлопки фишек, возгласы и ругательства игроков. Лара взвизгивала и громко аплодировала каждому Борькиному выигрышу, а краем глаза все время посматривала на запретную тарзанку, одиноко болтавшуюся в опустевшем на время турнира дворе. Ей ужасно хотелось прокатиться хоть разок. Оба Марасюка сидели спиной к двору, среди остальных играющих стукачей не было, в крайнем случае можно было бы успеть соскочить с тарзанки и дать деру. Пока Ларину голову занимали эти мысли, ноги уже привели ее в соседний двор. Удержаться от искушения теперь она просто не могла, села на плоскую доску и оттолкнулась от земли. Она раскачивалась все выше и выше, и старая бузина вздрагивала при каждом взлете тарзанки. Ветер умывал лицо и полоскал рыжие волны волос. Вдруг в висках у Лары застучало, и она стала пытаться остановить тарзанку, больно шаркая босыми ступнями по земле. Сандалии слетели с ног. Из-за поворота показалась грузная фигура Костика. Тарзанка все еще взлетала довольно высоко – и соскочить не было никакой возможности.

– А эта жидовка что тут делает? – с ухмылкой обратился Костик к идущему позади Сашке.

Ларе наконец удалось спрыгнуть, но Марасюки были уже слишком близко. Она прижалась к ржавому боку гаража, прикидывая драться ей или сгруппироваться и попытаться получить наименьший урон от ударов. Костик шел к ней, а Сашка остановился чуть в стороне в ожидании зрелища. Лара сомкнула локти и закрыла голову соединенными в щит руками. Сквозь щель между запястьями она увидела бегущего к ней Борьку, а метрах в ста позади него – Тузика. Лара опустила руки и тут же получила удар в правую скулу. Борька с рыком бросился на Костика, но тот ловко развернулся и ударил его в нос. Кровь хлынула Борьке на майку, глаза сильно заслезились, и он упал на колени. Старший Марасюк повалил его на землю и стал пинать ногами, куда попадал.

– Ах ты, дрянь жидовская! – хрипел Костик.

Дальше для Лары все происходило словно в замедленной съемке. Боковым зрением она увидела на земле доску с торчащим гвоздем, в следующее мгновение Лара уже схватила ее и сильным ударом вонзила гвоздь по самое основание Костика в ногу. Он взвыл и повалился на бок. Сашка схватил Лару за ворот футболки, но тут подоспел Тузик и точным ударом в челюсть отправил младшего Марасюка в нокаут. Лара видела, как Борька пытается встать, но ноги у него подкашиваются. Злость и обида за брата переплетались внутри, словно стебли вьюнка. Ей казалось, что она чувствует, как ползучий страшный гибрид этих двух эмоций с невероятной скоростью разрастается от кончиков пальцев на руках к груди, мгновенно заполняя собой все, разливая по телу ровный жар, и где-то чуть выше ключиц, в горле, уже завязался тугой бутон. Борька упал, не сумев подняться на ноги. Бутон лопнул.

– Сволочь! Фашист! – закричала Лара срывающимся на визг голосом. Она подскочила к скулящему в пыли Костика, рывком выдернула доску из его ноги и снова вонзила гвоздь, снова выдернула, замахнулась, но тут подбежавший Юрка схватил ее сзади и оттащил от Марасюка.

На линейке первого сентября Борька стоял с заклеенным пластырем носом и сильно заплывшим правым глазом. После драки во дворе родители Костика и Сашки приходили к ним разбираться. Отец Ефим Ильич пригласил Марасюков в дом. Они с порога начали кричать, что Костика теперь чуть ли не на костылях ходить придется, но увидев перекошенное от побоев лицо Борьки, прошмыгнувшего в детскую, замолкли на полуслове.

В этом году Лара перешла в пятый класс. Из начальной школы в среднюю, находившуюся на улице Тургенева в здании старой немецкой гимназии с пристроенным в 80-е новым крылом, которое соединялось с основной постройкой крытым коридором. Крыло пристроили,

когда директором школы была И. Р. Васильцова, ставшая теперь фрау Лунау и живущая в Мюнхене. Весь городок в целом сохранил немецкий стиль с мощеными улочками и птичками на башенках домов. Боря и Лара Гринберги жили в старом немецком доме. Каждое лето к ним приезжал Герхард Нойманд. До войны в этом доме жила его семья. Он привозил детям заграничные игрушки и сладости, и еще привозил черно-белые фотографии, казавшиеся Ларе и Боре совершенно нереальными. На фотографиях маленький Герхард со своими мамой и папой сидели за их, Гринбергов столом или стояли на их крыльце. Квартира осталась совершенно такой же, полностью сохранив планировку. Каждый год Герхард навещал не их семью, он навещал свое детство.

Лара стояла на линейке и чувствовала себя гордой и взрослой, теперь она тоже учится со старшими, а не с малышкой. Волосы ее были заплетены во французскую косичку «колосок», а не в детскую баранку с двумя бантами, как на линейках в начальной школе. Она вся лучилась, но гордость и радость смешивались в ней с легким чувством страха перед новой школой. Она казалась Ларе огромной по сравнению с трехэтажной коробкой «началки». Хорошо, что Боря учился здесь уже целый год и все знал.

Появились новые предметы и новые учителя. Каждый урок теперь проходил в своем кабинете, и Лара все время боялась заблудиться в кривых коридорах немецкого здания и не успеть добраться до нужного класса до звонка.

Математику вела Сара Самсоновна, прозванная учениками Эсэсовцем (по первым буквам имени и фамилии), что было забавно, учитывая ее еврейское происхождение. Учительница была очень строга и требовательна, особенно к успешным ученикам. За красивые глаза оценок не ставила, задавала домашние задания непомерных объемов и любимчиков в классе не заводила. За это и получила свое прозвище сухая старушка с выбивающимися из толстого пучка седыми кудрями. Лара с математикой не очень дружила и слегка побаивалась строгого преподавателя. Борька же был влюблен и в предмет и в учительницу, решал задачи под звездочкой, не входившие в обязательное домашнее задание и получал настоящее удовольствие, когда, открыв последнюю страницу учебника с ответами, видел тот же результат, что получил сам. По математике у Бори была твердая пятерка, но без плюса и прочих поощрений, как могло бы быть у другого учителя. На контрольных Сара Самсоновна, прохаживаясь между рядами парт, легонько касалась Бориного плеча маленькой морщинистой рукой – и это было для мальчика наивысшей похвалой.

Лару полностью поглотила заменившая «чтение» литература. Книги по школьной программе, которые другие дети читали из-под палки, она проглатывала одну за другой, а после принялась за Борькины книги за шестой класс. Каждое слово для Лары дышало каким-то живым, настоящим смыслом. Стихи, заданные на дом запоминались сами собой и то и дело всплывали в памяти.

«Еще в полях белеет снег, – читала Лара себе под нос, густо намыливая руки, –
А воды уж весной шумят –
Бегут и будят сонный берег,
Бегут и блещут и гласят... – и струя воды смывала белую пену в раковину.

Уроки учили вместе. Боря помогал сестре с математикой, а она писала ему сочинения. Потом быстро переписывали на чистовики и шли гулять.

В соседний двор больше не совались. Гуляли, пока не наступили холода, на поле и до зимы успели построить хороший штаб из досок и шифера. Посередине выложили из кирпичей небольшой «колодец», в котором было удобно разогреть тушенку и даже можно было запечь картошку в золе.

Однажды Юрка зашел за Гринбергами раньше обычного – как правило, до четырех они делали уроки.

– А Борялара выйдет? – спросил он привычной скороговоркой.

– Выйдет, – улыбнулся Ефим Ильич, – а ты пока проходи.

– Борька! Юра пришел! – крикнул отец вверх и ушел в родительскую спальню, по телевизору как раз шли новости.

Боря спустился со второго этажа.

– Что, уже уроки сделал? – спросил он и толкнул друга плечом.

– Ща че-то покажу, ты сдохнешь! – прошептал тот.

Юрка расстегнул куртку, под свитером у него что-то шевелилось.

– Смотри, – сказал он и оттянул ворот свитера.

– Ого! – вскрикнул Борька и тут же, спохватившись, перешел на шепот: – Откуда они у тебя?

В потном тепле Юркиного свитера копошились трое слепых котят.

– Мне бабка Гутя шесть рублей дала, сказала, утопить надо.

– Ты че, сдурел? Как ты их топить собрался? – шептал Борька.

– Не знаю еще, – Юрка заговорщицки улыбнулся и позвенел монетами в кармане. – Весь живот мне уже исцарапали.

– Пап, можно мы погулять пойдём? – крикнул Боря в закрытую дверь спальни.

Ефим Ильич вышел в прихожую, и Юрка поспешно запахнул куртку.

– Ты с уроками закончил? – спросил отец.

– Мне еще десять страниц от «Кладовой солнца» осталось, я вечером дочитаю.

– А сестра?

– Она уже сделала все, меня ждет, – соврал Боря. У Лары еще математика была не начата.

«Я эту математику, как два пальца за пять минут сделаю, а «Кладовую солнца» она мне перекажет, запоминает же целыми страницами наизусть», – быстро прикинул он.

– Ну идите. Только чтоб в восемь как штык дома были.

Борька пулей взлетел на второй этаж.

– Ну че там? – спросила Лара, когда брат зашел в комнату.

– Там у Юрки котята, одевайся давай.

– А с математикой что? Какие котята, с собой, что ли, притащил?

– Я тебе математику вечером сделаю, одевайся, отец отпустил.

Лара быстро натянула «дворовые» джинсы с неотстирывающимися пятнами от травы на коленках и они с Борькой сбежали вниз по лестнице в прихожую.

– Покажи! – Лара потянула Юрку за рукав.

– На улице покажу, выходите уже, – сказал тот со значительным видом и вышел за дверь.

– Ой, какой! – Лара держала в ладонях одного из котят. – Как мышшь!

– Сама ты мышшь, – почему-то обиделся Юрка и сунул котенка назад под свитер.

– Пойдем, что ли, за Тузиком?

Тузика сразу отпустили. Уроков он не делал в принципе.

Стали думать, как потратить деньги. После долгих сомнений и рассмотрения различных вариантов, купили в магазинчике «Диана» на Ткаченко большую шоколадку в картонной коробке с «окошком» и бутылку лимонада «Буратино». Шоколад поделили на всех поровну и устроили в новом штабе настоящий пир. Котята ползали по подстилке из сена и пищали.

– А чего они все время пищат? – спросила Лара. – Может, голодные?

– Может, – отозвался Тузик.

– Я тогда сейчас быстро домой – за молоком, хоть покормим.

– Только они так есть не будут, – сказал Юрка, – маленькие еще. Наша Дашка, когда окотилась, у нее молока не было, так мать котят из пипетки выкармливала.

– Да у нас этих пипеток куча целая в коробке с лекарствами! – обрадовалась Лара. – Я быстро.

Через десять минут она вернулась с пипеткой и молоком, налитым в стеклянную банку. Накормили котят с большим трудом, они пищали и не хотели брать пипетку, но распробовав молоко, насосались и уснули один на другом.

Время подходило к семи часам. Сумерки медленно сползали на деревья, просачиваясь между ветками.

– Ну, пошли топить? – спросил Тузик.

– Кого? – удивилась Лара.

– Кого-кого? Котят.

– Как же их топить? Они же живые, – растерялась девочка.

Мальчишки застыли в недоумении. На самом деле, все трое чувствовали то же самое, но деньги были потрачены, и вернуть котят бабке Гуте было нельзя. У Борьки промелькнула мысль забрать их домой, но родители ни за что бы не позволили. У отца была аллергия на шерсть, и Борька хорошо помнил, как отекло однажды у него лицо и в глазах полопались сосуды, когда отец погладил бездомного щенка, которого они с сестрой притащили в дом, и как потом еще три дня отец не ходил на работу (отек никак не спадал, и отец был похож на привокзального пьяницу).

– Пошли, короче, – нарушил общее молчание Тузик.

– Я топить не буду, – решительно сказала Лара.

– А шоколад ты ела!? – разозлился Юрка.

– Ела... – ответила она тихим голосом и опустила голову. Слезы набежали мутной пеленой. Виновна по всем статьям: и шоколад этот проклятый ела, и лимонад пила.

Они стояли у открытого колодца. Со внутренней стороны из бетона торчали железные скобы-ступеньки, спускающиеся в коричневую воду. Борька, Тузик и Юрка держали в руках по котенку, Лара стояла к ним лицом с другой стороны колодца. Маленькое теплое тело котенка грело Борьке ладони. «А вода-то, наверное, ледяная», – подумал он и комок подступил к горлу.

– Ну всё! – Тузик бросил котенка в воду.

Раздался истошный писк. Борька словно окаменел от этого, расколовшего пространство, пронзительного крика о помощи. Звук отражался от стен колодца, застревал в темном вечернем воздухе и бесконечно продолжался у Борьки в ушах. Слезы стояли на краешке, готовые покатиться из глаз. Хотелось, чтобы все прекратилось, чтоб котенок перестал пищать, слышать это было невыносимо. Он не успел заметить, как Лара сбросила куртку и полезла в колодец.

– С ума сошла! Ты чего творишь? – наконец вышел из ступора Борька.

Лара выловила котенка из грязной воды и, прижав его к себе одной рукой, стала карабкаться вверх. Тузик перегнулся через стенку колодца и помог ей выбраться.

– Ну, молодец, Ларка! Слава яйцам! – невпопад пошутил он, когда Лара уже оказалась рядом с ними. Она завернула котенка в свою куртку и тот, согревшись, притих. Тузик забрал его домой, чтоб не сдох от холода, а для двух других ребята соорудили «домик» из коробки и тряпок и оставили в штабу. Каждый день приходили кормить котят, и когда в декабре выпал первый снег, они уже были хорошие, пушистые, со смешными треугольными хвостами. Оба оказались мальчишки, Барсик и Мурзик. На зиму с разрешения родителей устроили котят у Гринбергов в сарае.

Как хозяйка, въехавшая в новую квартиру, вымывает пыль из углов и меняет занавески, не оставляя следов прежних жильцов, зима заполняла город, покрывала двory белым, выстуживала воздух и наносила на окна морозные гравюры.

С Ларой в эти месяцы начали происходить перемены, не совсем Борьке понятные. Она не строила с ними снежные крепости и не участвовала в перестрелках снежками, а все чаще

оставалась дома с книгой, да еще выпросила у родителей на Новый год «женские» сапоги с опушкой вместо его прошлогодних зимних ботинок.

– Ты ж всегда была наш человек, а становишься фифой какой-то, – попытался как-то раз вразумить ее Борька, но Лара отмахнулась от него, не отрывая глаз от книги.

Она и сама чувствовала, что с ней что-то происходит. На месте плоской груди появились и побаливали два небольших бугорка, а под мышками и в паху начали расти тонкие волоски. Кроме сапог с опушкой, на Новый год мама подарила Ларе первый в ее жизни бюстгальтер, о котором Борька ничего не знал, так как Лара прятала его каждый вечер в шкаф, а не оставляла на стуле с остальной одеждой.

В классе мальчики относились к ней как к своей, не дергали за волосы и не стреляли в нее маленькими, похабного содержания, записочками, как было с другими девочками. Если раньше Ларе это нравилось, и она даже чувствовала себя выше остальных девочек с их глупым хихиканьем на переменах, то теперь такое отношение противоположного пола ее слегка обижало. Она подолгу смотрела на себя в зеркало и не видела ничего, что могло помешать ей нравиться мальчикам: худенькая, глаза большие. «Ну, рыжая, конечно...», – с досадой отмечала она.

Среди книг по школьной программе, которые Лара читала без разбора – и свои, и Борькины, ей попался «Дубровский». События пушкинского произведения взволновали всю ее девичью натуру. Это было что-то абсолютно новое, совершенно не похожее ни на «Каштанку» и «Теплый хлеб» с их пронзительной жалостью к животным, ни на «Остров сокровищ» или «Тома Сойера» с опасностями и приключениями...

Внутри росли и раскрывались удивительные непознанные чувства, задевались глубинные тонкие нити. «Пылающие уста» Марьи Кирилловны и «страстные речи» Дубровского приводили Лару в трепет. Походы на поле и игры в снежки стали казаться ей детскими и неинтересными, а зима предоставляла прекрасные долгие вечера для чтения.

Борька удивлялся поведению сестры, не понимал, как ей могут быть интересны девчачьи анкеты, передаваемые по классу и дурацкие разговоры про «кофточки-шмофточки», и долго отказывался признавать, что Лара принадлежит к шушукающемуся миру девочек, а не к их интересному – мальчишескому. Он стал замечать, что у нее появились секреты и что каждый вечер перед сном она что-то прячет в шкаф. Борьку разбирало любопытство и однажды, когда сестра, переодевшись в пижаму, спустилась вниз умываться, он, стараясь не скрипеть дверцей, открыл шкаф. В дальнем углу Лариной полки лежал маленький белый комочек. Борька достал его и аккуратно развернул. «Ну и гадость! Лифчик!» – мальчик отбросил от себя неприличную вещь. «Не может быть, чтобы Лара... Она что – это на себя одевает? А у нее что, уже есть на ЧТО?» От этих мыслей Борьке стало противно. Он двумя пальцами, словно боясь испачкаться, поднял бюстгальтер с пола и быстро затолкал назад в шкаф. После того как Боря таким образом обнаружил наличие у сестры «личной» жизни, он решил, что «как пацана» они ее окончательно потеряли.

Весной к Ларе попала сильно потрепанная книжка в мягкой обложке, которую девочки передавали между собой под партами. Это была «Бессонница в ожидании любви» Соковни. Лара не могла оторваться от этой зачитанной книжицы, в которой ей открылась любовь, описанная простым доступным языком. Героями были обыкновенные старшеклассники с их первыми несмелыми и такими понятными чувствами, а не князья и помещицы дочери, в существование которых в далеком прошлом вообще верилось с трудом. Тут все было реально до слез, до обгрызенных при чтении ногтей, до учащающегося дыхания и до невозможности уснуть по ночам.

Дочитав книгу, Лара еще несколько дней не могла ее вернуть. Скучая по героям, к которым успела привязаться, она снова и снова перечитывала особенно понравившиеся отрывки.

Впечатлений был целый фейерверк, разрывающийся внутри тысячами ярких искр, но не находящий пока выхода наружу.

Последняя четверть прошла для нее в переживании собственного взросления и невозможности поделиться этим с Борей. Лара чувствовала, что теряется тонкая связь с братом, казавшаяся раньше само собой разумеющейся. Весь следующий учебный год Лара влюблялась по очереди во всех мальчиков класса. Но влюбленности эти быстро проходили. Слишком хорошо она знала каждого из ребят, с которыми училась с первого класса. Да и они считали ее другом и союзником, имеющим доступ к закрытому для них миру девочек, и частенько расспрашивали, что о них говорит та или другая, что вызывало у Лары снисходительную улыбку и напрочь рассеивало все романтические чувства.

Женька проснулся рано и сейчас сидел у окна, наблюдая, как тает темнота и проявляются, обретая объем, силуэты деревьев и домов. Начинать собираться в школу можно было как минимум через час, и он просто смотрел на мокрый и притихший после прошедшего ночью дождя город, проступающий в утреннем свете.

В этом году Женька снова пошел в седьмой класс. Всю прошлую зиму он пролежал в больнице с тяжелым воспалением легких, а потом еще два месяца восстанавливал дома силы. Его не перевели в следующий класс, так как почти две четверти в классном журнале напротив его фамилии стояло неизменное «н», и Женька остался на второй год. Быть второгодником было неприятно. Во-первых, он попал в другой класс, где был новеньким, во-вторых, слово «второгодник» было клеймом двоечников, а Женька учился вполне прилично, что теперь нужно было всем доказывать. Но сейчас он думал совсем не об этом. Он ждал каждого школьного дня только для того, чтобы со своей последней парты смотреть на тонкую подвижную спину с копной падающих на нее тяжелым медом рыжих волос. В этом новом седьмом «Д» училась Лара Гринберг. Женька заметил ее еще на линейке первого сентября. Стояла чуть в стороне от остальных девочек и болтала с ребятами, которые смеялись и то толкали ее в плечо, то шлепали с размаху по подставленной ею ладони, словно она была одной из них.

Женька не сразу понял, что Лара занимает в классе особое место – между девочками, с которыми она обменивалась многозначительными взглядами и улыбками на уроках, и мальчиками, принимающими ее за свою и даже позволяющими себе ругаться и неприлично плевать в ее присутствии.

Лара обладала удивительной некукольной красотой. Узкое скуластое лицо, большие синие глаза, в которых плясали искры не то безобидной веселости, не то насмешливости. Вся окружена свечением золотистой кожи и меди волос... Женька перекачывал на языке ее имя, пытаясь понять, как же к ней подступиться. Бросить ей на парту записку, как делали другие мальчишки, чтобы пригласить девочку на свидание, казалось ему глупым. Лара была другая, без кокетства и жеманности, раздражавших его в девчонках. «Что же придумать?..»

Хрупкая хрустальная тишина за окном дрожала в ожидании голосов первых птиц, и дрожь эта передавалась Женькиному телу. Он жил на улице Лермонтова в новом районе, за парком. По дороге в школу, проходя мимо дома Гринбергов на Балтийской, он каждый день видел, как Лара с братом идут на занятия. Борю Гринберга Женька знал только в лицо, в прошлом году они учились в параллельных классах. Высокий, смуглый, с таким же, как у сестры, скуластым лицом и большими серыми глазами, он пользовался успехом среди девочек. Женя не входил в число Борькиных друзей, но при встрече они обменивались короткими кивками-приветствиями. Заговорить с Ларой по дороге в школу в присутствии брата Женька не мог. В классе она тоже почти никогда не оставалась одна. Единственным вариантом было подойти к ней после уроков. Занятия у Бори обычно заканчивались позже, чем у них, и Лара возвращалась домой одна.

Войдя в класс, Женя увидел ее, сидящую верхом на стуле, спиной к своей парте. На столе лежала ее раскрытая тетрадь и несколько человек, расположившись вокруг, списывали «домашку». Это была еще одна Ларина особенность. Кроме математики, по которой у нее была съезжающая к тройке четверка с минусом, она училась на отлично по всем предметам и при этом не страдала снобизмом и заносчивостью, как это бывает с отличницами, а была веселой, умела смешно, не плоско, шутить и давала списывать всем, кто об этом просил.

– Только не слово в слово, – говорила она, – а то ведь все по паре схлопочем.

Сегодня на Ларе была персиковая вязаная кофточка с вырезом буквой “V”, волосы собраны в высокий хвост, в ушах маленькие жемчужные сережки. Все это Женька успел заметить с одного беглого взгляда. Он прошел мимо и сел за последнюю парту, поймав краем глаза посланную Ларой улыбку. Но чем являлась эта улыбка – знаком внимания или просто приветствием – было не понятно.

За весь учебный день Женька не написал в тетради ни одного слова и совершенно не слышал объяснений учителя. Повезло, что его не вызвали отвечать. Он, не отрываясь, смотрел на Лару, то и дело для приличия, опуская глаза в учебник. А сегодня посмотреть было на что. Собранные волосы открывали тонкую шею, а вырез позволял увидеть линию ключиц с маленькой ямочкой в месте их соединения. Кофточка была ей немного велика и чуть сползала с левого плеча, оголяя часть предплечья с белой лямочкой бюстгалтера, при виде которой Женьку словно током прошибало. Он жалел, что не умеет ни рисовать, ни писать стихи, и никак не может запечатлеть чувство, подбрасывающее его под самый потолок, заставляя сжиматься все тело.

Уроки закончились, и Лара долго прощалась с одноклассниками на пороге школы. Женька ждал в стороне, ему не хотелось подходить к ней при всех, тем более что уверенности в успехе не было. Ребята разошлись, а Лара уже ушла довольно далеко по школьной аллее. Он бегом бросился за ней, и когда расстояние между ними сократилось почти до ста метров, Лара неожиданно обернулась, вероятно, услышав за спиной его шаги. Женька резко остановился. Все получалось как-то глупо и совсем не так, как он планировал.

– Можно я тебя провожу? – произнес он, делая большие паузы между словами из-за сбившегося при беге дыхания.

– Что, и портфель понесешь? – спросила Лара, уже стаскивая с плеча лямку рюкзака.

Этого Женька не ожидал, он неловко подхватил рюкзак, чуть не уронив его на землю, и они продолжили путь вместе.

Говорить с Ларой оказалось очень легко. Из болтовни об уроках и учителях разговор перетек в обсуждение книг, которых, к Лариному удивлению, Женька прочел огромное множество. Он называл незнакомые ей имена авторов и обещал принести в школу что-нибудь почитать.

– Уверен, тебе понравится Мураками, – говорил он.

Приноси, посмотрим.

Они уже подошли к крыльцу Лариного дома, и Женька протянул ей рюкзак.

– Ну, что... Завтра повторим? – спросила она.

Женька не смог сдержать улыбку.

– Хорошо, – сказал он, – ну, пока.

Домой Женька бежал. Невероятная легкость освободила его от собственного веса, и он летел, подхваченный порывом ветра, задевая руками ветви деревьев и возносясь все выше и выше, к бестелесным облакам. «Получилось! Получилось!»

Лара стояла в темных сенях. Сердце бешено скакало, кровь прилиwała к лицу.

«Ну почему я вечно как пацан?! Никогда по-нормальному не могу... и с рюкзаком этим... «Завтра повторим», это ж надо было такое сказать! Феноменальная дура! Только бы не спуг-

нать». Но досада на себя вытеснялась чем-то другим, огромным, не помещающимся внутри, хлещущим через край, еще не имеющим определения, но уже охватившим ее целиком.

На следующий день Женька принес в школу «Норвежский лес» Мураками. Он сел рядом с Ларой и положил книгу на стол.

– Как и обещал.

– Спасибо. Я половину учебников не взяла сегодня, чтоб тебя не слишком нагружать после уроков, – она приподняла одной рукой полупустой рюкзак. Оба рассмеялись. Лара смотрела на Женьку. Чуть выше нее ростом, руки худые, а ладони как будто к ним велики, русые волосы падают на лоб, глаза серые с прямыми, как у коровы, ресницами. Ларе до сих пор не верилось, что она могла понравиться этому взрослому молчаливому мальчику. Привыкшая быть «своей» среди ребят, она теперь совсем не знала, как себя вести.

События прочитанных книг происходили в ее собственной жизни, и это казалось ей слишком невероятным и восхитительным, чтобы быть правдой.

Теперь Женька встречал ее на перекрестке Балтийской и Ткаченко каждое утро. Лара ненадолго задерживалась у крыльца, кормила мальчиков. «Мальчиками» были двое подростков котят, Барсик и Мурзик, превратившиеся в здоровенных уличных котов с совершенно уголовного вида мордами, но когда Лара выносила им миску с супом или котлетами, задирали тощие хвосты и ластились к ее ногам совсем как домашние. Потом Лара и Женя вместе шли в школу, а после уроков он провожал ее домой. Они не могли наговориться, насмотреться друг на друга, и времени, проведенного вместе, все казалось мало. Любимые книги были забыты, да и вообще все было забыто.

Борька все это видел, но пока не мог решить, как к этому относиться. Собственные «любовные» похождения казались ему естественными, а отношения не затягивались дольше, чем на месяц. С сестрой было иначе, он видел, как горят ее глаза, как тщательно она выбирает одежду каждое утро. Ему очень не хватало прежних вечерних разговоров с Ларой и прежнего безоговорочного доверия между ними, без секретов и стеснения. Хотелось как-то сократить все увеличивающееся разделяющее их расстояние, уже превратившееся в настоящую пропасть. Наверное, нужно было подружиться с Женькой, хотя все его нутро и противилось этому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.